

Мурузи ГАПАРОВ – народный писатель Кыргызстана, имя которого стало известно с середины 60-х годов. Особенно ярко он проявил свой талант в новеллистике, его перу принадлежат большое количество рассказов и повестей. Талант Мурузи Гапарова многогранен. Он проявил себя также как драматург и сценарист. Многие произведения писателя переведены на русский язык и были изданы в Москве.

Мурузи ГАПАРОВ

Первый бал Наташи Ростовской

Рассказ

Перевод с кыргызского Х. Хусиновой

Завтра свадьба. Тайный колым давно получен. Приданое готово. В комнате для гостей местные мастерицы торопливо дошивают свадебную одежду невесты. В соседней аильных кумушки, славящиеся знанием обычаев старины, всё ещё спорят, что набросить прибывшим сватам на плечи, то есть что из одежды поднести им в день свадьбы.

В маленькой кухоньке, среди только что вымытой посуды, на чурбаке сидит невеста. При тусклом свете из окошка, выходящего в сад, она читает «Войну и мир». Так поглощена чтением, что забыла, где сидит и что ждёт её завтра. В эту минуту она видит себя на новогоднем балу екатерининского вельможи, куда пришла вместе с Наташей Ростовской, такой же юной и очаровательной, как она сама.

О, этот бал! Каких только чудес не увидишь там! Подъезд с красным сукном, парадная лестница с цветными по обеим сторонам, ярко освещённые залы, женщины в белых, голубых, розовых платьях, мужчины в мундирах, звёздах и лентах...

Девочка, у которой завтра вечером должна состояться свадьба, заметила вдруг, что её прелестная сверстница Наташа не танцует. Вместе с другими дамами, тоже не приглашёнными на танец, её отнесли к стене. Она стоит жалкая, растерянная. Бедная Наташа! Ведь это первый большой бал в её жизни! Как она радовалась, как мечтала танцевать на этом балу... И вот...

«Она стояла, опустив свои тоненькие руки, и с мерно поднимающейся, чуть определённо грустью, сдерживая дыхание, блестящими испуганными глазами глядела перед собой, с выражением готовности на величайшую радость и на величайшее горе. Её не занимали ни государь, ни все важные лица... – у ней была одна мысль: "Неужели так никто не подойдёт ко мне, неужели я не буду танцевать между первыми, неужели меня не заметят все эти

мужчины, которые теперь, кажется, и не видят меня, а ежели смотрят на меня, то смотрят с таким выражением, как будто говорят: «А! Это не она, так и нечего смотреть». Нет, это не может быть! – думала она. – Они должны же знать, как мне хочется танцевать, как я отлично танцую и как им весело будет танцевать со мной!»

Звуки польского, продолжавшегося довольно долго, уже начали звучать грустно – воспоминанием в ушах Наташи».

Бедная...

Большие чёрные глаза юной невесты наполнились слезами. Буквы стали сливаться.

Девочка подняла голову. После блеска бала тесная кухня показалась тёмным подземельем. Сквозь сумерки и слёзы глаза едва улавливали очертания предметов.

Крепко зажмурившись, девочка стряхнула слёзы с ресниц и встала, чтобы зажесть свет.

Меж корявых чёрных ветвей старых урючин за окном плыл красный диск луны. Некоторое время девочка грустно следила за ним, потом задёрнула занавеску. В кухне стало совсем темно. Она долго шарила по стене, пока нашла выключатель, нажала на него и вернулась на своё место.

Вот она снова на балу. Наташа стоит всё там же, среди неприглашённых на танец, отнесённых к стене дам. Вдруг из-за тёмных туч обиды выглянуло солнце. Наташу пригласили. Князь Андрей предложил тур вальса. Князь Андрей Болконский!

«"Давно я ждала тебя", – как будто сказала эта испуганная и счастливая девочка, своей просиявшей из-за готовых слёз улыбкой, поднимая свою руку на плечо князя Андрея».

У невесты сердце заколотилось от радости, снова заволокло глаза влажной пеленой. Не в силах читать дальше, она оторвалась от книги. И сидела притихшая, всё ещё под впечатлением прочитанного, даже не смехивая слёз.

Громко скрипнув, открылась дверь, вошла молодуха с кротким лицом.

– Джене! – радостно закричала девоч-

ка. – Наташу пригласили на танец!

Молодуха в первый раз видела, чтобы зюльва так громко радовалась, но не поняла, чем она взволнована: «Наташу пригласили на танец? Какую Наташу? На какой танец?»

С доброй улыбкой она посмотрела на сияющее лицо девочки и тихим приятным голосом спросила:

– Кто это – Наташа, моя девочка?

Но та не стала объяснять, лишь упрекнула:

– Ой, джене, ничего-то вы не читаете!

Молодуха виновато улыбнулась.

– Как же мне читать, коли не умею?

– А почему не умеете?

– Я не кончала школы...

– А почему не кончали?

– Ой, девочка моя, какой ты ещё младенец, – улыбнулась молодуха. – Меня же вовсе не учили. Так и не пустили в школу. В горах прятались... А как пошёл шестнадцатый год, выдали замуж за твоего брата...

Девочка со снисходительным сочувствием взглянула на неё. Она любила свою джене. Но в глубине души не могла всё же полностью оправдать её.

– А зачем согласилась? Почему не сказала, что учиться хотите, а не замуж выходить?

Молодуха опять улыбнулась.

– Смешно ты говоришь, девочка. Разве можно идти наперекор родителям? А

кроме того, доля наша такая... Мы должны выйти замуж, рожать детей и растить их... Пусть ты станешь учительницей, доктором или даже артисткой, всё равно не избежишь этой доли. Раз откажешься, два откажешься...

Молодуха махнула рукой и умолкла.

Её рассуждения не понравились девочке. «Доля наша такая!» – то есть всех женщин, без исключения? Значит, и её доля и такую судьбу джене пророчит?.. И вдруг она вспомнила, что завтра вечером свадьба!.. Первый бал Наташи Ростовской, его пышная торжественность, огорчения и радости героини вмиг отодвинулись куда-то далеко-далеко. И невеста оказалась лицом к лицу со своей собственной судьбой. С видом обиженного и готового заплакать ребёнка, которого внезапно разбудили, прервав волшебный сон, девочка смотрела на свою джене.

– Нет-нет, – прошептала она, затапливая головой и вдруг громко закричала: – Нет! Нет! Нет!

Бедная молодуха не сразу сообразила, что случилось с зюльвой, почему та кричит.

– Девочка моя, девочка! – Засуетилась она. – Что с тобой, милая? Клянись, я не хотела обидеть. Да убьёт меня молния, коль желаю тебе зла.

Молодуха обняла её и стала гладить тонкие косички.

Девочка притихла. Она тупо глядела перед собой, по бледным щекам катились слёзы.

– Пойдём, моя девочка, в гостевую, – ласково позвала молодуха.

– Зачем?

– Тебе хотят примерить свадебное платье.

Девочка вскинула голову и сердито посмотрела на джене.

– Будь умницей, – мягко предупредила молодуха, заметив, что зюльва снова готова вспылить. – Идём же...

Гневные искорки в глазах у девочки погасли, она расслабленно опустила веки, потом дала поднять себя и увести.

Гостевая была полна молодых женщин и девушек. Весело тараторя, они окружили невесту и стали примерять ещё недошитые наряды, наперебой обсуждали, где что надо поправить. Шутили, смеялись... Девочка осталась равнодушной, будто вся эта суета совсем её не касалась. Невесту тормошили, поворачивали, она подчинялась им, как неживая, и хмуро молчала.

Когда с примеркой было покончено, подбегали две молоденькие девушки и с весёлым смехом развернули перед ней ещё не дошитый брачный занавес. Девочка осталась одна в углу за занавесом и вдруг испугалась. Показалось, что уж никогда не выберется отсюда. Она скалась, глаза забегали, ища выхода. Потом нерешительно потопталась и, сбив с ног одну из девушек, державших занавес, кинулась к двери. Вслед ей раздался взрыв хохота, от которого, казалось, дрогнули стены.

– Тазагуль! Тазагуль! – крикнул кто-то. Но девочка ничего уже не слышала.

Она вылетела во двор, обежала дом и припала к столу старой урючины.

Вокруг царил тишина. Луна уже поднялась высоко. Её бледные холодные лучи радужными искрами переливались на покрытых инеем опавших листьях.

Тазагуль постояла, прислонившись к дереву, затем направилась к соседям, к единственному светящемуся окошку их дома.

Здесь жила молодая пара. Недавно у них родился ребёнок. Тазагуль дружила с молодой матерью. Она шла, надеясь застать соседку одну, чтобы излить ей своё горе и попросить совета.

Девочка подошла к окну и заглянула в комнату. Соседи были дома. Жена, расставив возле горящего очага супуру, месила тесто. Муж сидел у задней стенки и, прикрыв глаза, брэнчал на комузе. Возле него лежал завернутый в одеяло малыш. Он отчаянно кричал.

– Отец, – обратился к мужу хозяйка, – успокойли бы ребёнка, дай Бог вам здоровья.

– Он не успокоится, – невозмутимо ответил мужчина.

– Как же не успокоится? Возьмите его

на руки, побаюкайте...

– Всё равно не успокоится. Ребёнок только матери слушается. Возьми его сама.

– Ох, какой же вы...

Молодуха поднялась с колен, испачканными в тесте руками осторожно вынула из одеяла малыша и вернулась к очагу. Снова опустилась на колени, переложила ношу на левую руку, правой принялась месить тесто.

– О-о-ой! – выдохнула Тазагуль и закрыла лицо ладонью. Потом повернулась и бросилась в сад. Она быстро шагала по опавшим листьям, по чёрным теням корявых голых деревьев и скоро вышла к дальней окраине сада. Неожиданно увидела между двух приземистых урючин грузную горбатую фигуру верблюда, неподвижно уставившегося на круглый диск луны.

Девушке нравилось смиренное животное. Медленно подошла к нему. Верблюд перестал жевать и, вытянув шею, взглянул на неё.

Тоненькими ручками девочка погладила верблюда по мягкой бурой шерсти, припала к нему и зарыдала.

– Не хочу! Не хочу! – вскрикивала она сквозь слёзы.

Вот она выпрямилась и застыла, словно от какой-то поразившей её мысли. Резко повернулась и направилась к лежащей за садом облитой лунным светом долине. Сначала шла медленно, нерешительно, потом побежала со всех ног... И вдруг остановилась, будто что-то могуче руки схватили за худые плечи и силой повернули назад. Ей бросился в глаза красный цветок в глубине сада – свет в маленьком окошке кухни.

Решительности как не бывало. Не в силах сдвинуться с места, она стояла, уставившись тоскливыми, полными слёз глазами на красный цветок. Потом, еле волоча дрожащие от слабости ноги, с опущенной головой пошла назад.

Но чем ближе подходила, тем меньше красноватый свет из окошка походил на цветок. Жизнь за окном оживала. Комнаты, вещи, люди снова обрели себя.

Некоторое время девочка молча, заворожено глядела на огонь за стеклом, затем, словно заяц, встретивший нос к носу с волком, повернулась и побежала.

Скоро она оказалась на дальнем конце сада. От долины сад отделяла глубокая канава. Она хотела перескочить через неё, но упала, вцепившись руками в противоложный обрывистый край. Падая, разбилась нос, оцарапала о колечки лицо. Но даже не заметила этого, выкарабкалась и побежала дальше.

Позади остался обветренный темнотой большой густой сад, в котором она выросла. Стояли поззиди и одинокое окошко в глубине сада, издали казавшееся красным цветком...

Раваз Мишвеладзе родился в 1940 году в городе Кутаиси. Окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета. Первый сборник его повелл вышел в 1964 году.

Мишвеладзе работает в разных литературных жанрах, пишет рассказы, пьесы, киносценарии, занимается литературной критикой и публицистикой. Его произведения изданы отдельными книгами на русском, французском, английском, немецком, испанском, персидском, армянском, тпонском, болгарском, украинском, азербайджанском, вьетнамском и абхазском языках.

Раваз Мишвеладзе работал редактором журналов «Критика» и «Нугеши». В настоящее время – председатель редакционного совета газеты «Мирлис газети», первый заместитель председателя Союза писателей Грузии и профессор Грузинского технического университета.

Лауреат премий имени Шота Руставели, Или Чавчавадзе, Акакия Церетели и других.

Раваз МИШВЕЛАДЗЕ

Капкан

Перевод с грузинского Л. Кравченко

Тридцатидевятилетний холостяк Рафила Зумбадзе везли на мотоцикле. Слово «везли» я употребил отнюдь не случайно. Рафила действительно везли, так как энергичному фармацевту жениться хотелось не больше, чем, скажем, мне тебя чем-нибудь обидеть, дорогой читатель. Но сколько он ни придумывал отговорки, сколько ни таянул время, увильнуть так и не удалось. Родственники и друзья Рафила (особенно старшая одноклассница, отец троих детей, Гизо Шавдиа) решили во что бы то ни стало его женить, и вот передовому аптечному работнику предстояло вскоре в седьмой раз за последние три месяца присутствовать на церемонии смотрины. Шесть предыдущих попыток женить Рафила, к полному удовольствию жениха, окончились неудачей. Один раз он не пригласился невесте, другой раз наотрез отказала мать девушки, а в четырёх случаях заупрямился сам Зумбадзе: «Не нравится, не по душе она мне – хоть убейте. Гизо-то что! Мне, а не ему придётся прожить жизнь с нежеланной женой. Пожар, что ли, чего пристрали с ножом к горлу?! Подождите, дайте осмыслиться, может, найдётся кто-нибудь получше». У Рафила сердце было не каменное, порой заснуть не давали вопрошающие глаза неправедливо отвергнутой девушки, но не хотелось ему жениться, и, как ни старались его близкие, дело до сих пор так и не выгорело. Сколько ни уговаривали, у него в одно ухо влетало – в другое вылетало. Он и сам толком не знал, почему так не

хотелось жениться. Казалось, что жизнь изменится, наступит конец несчастливой привольной поре, ляжет на плечи тяжкое бремя обязанностей.

Семью сапрасийца Гагидзе отыскал Гизо. Дочь землеустроителя Тариэла Гагидзе Шорена закончила педагогический и работала учительницей в Багдадской начальной школе. Гизо уверял, что девушка из прекрасной семьи и безупречна в смысле внешности и порядочности (это последнее понятие имеет для имеретийца очень широкий смысл, и я, из соображений деликатности, не стану его уточнять). «Сегодня выяснится, способен ли ты вообще жениться и рождён ли ты мужчиной!» – заявил Гизо. Короче говоря, друзья, как могли, увещевали и стыдили Рафила. Побрили его, нарядили и теперь везут «жениха поневоле» в Сапрасию. «Господи, спаси и помилуй!» – думает про себя Рафила и всю дорогу молча смотрит из окна машины на дубы Сагории. И да простит его Бог, но в эти минуты фармацевт просто ненавидит друга детства Гизо Шавдиа: «У самого на руках трое птенцов, самому некогда даже футбол посмотреть по телевизору, и вообще совсем забыл друзей – так теперь хочет и на меня надеть ярмо!» Ругает он и своего младшего (тоже семейного) брата Датуну, сердится даже на незамужнюю тётку Веру – на всех, кто сидит сейчас на заднем сиденье «жигулей» и возлагает такие надежды на визит в Сапрасию. «Ничего у вас не выдет», – думает Рафила и в душе радуется, что хотя бы мысленно может выразить собственное мнение.

Едва Гизо затормозил, как выкрашенная в зелёный цвет калитка приоткрылась и появился мальчуган. Он энер-

гично проталил по асфальту обе створки ворот, потом вытер руки о красную рубашку и усталым на спешившего к гостям от кухонной постройки Тариэла.

– Вьезжай во двор, Гизо, дорогой! Во дворе! Здравствуйте, дорогие гости! – в первую очередь хозяин за руку поздоровался с тётёй Верой.

– Ничего, пускаяй здесь стоит, – Гизо вылез из машины и оставил дверь открытой. – Батону Тариэл, это мой друг Рафила Зумбадзе, это его брат Давид, а с тётёй Верой вы, кажется, знакомы.

– Да, немного, издали, – уклончиво ответил Гагидзе, хотя всех, кроме Гизо видел впервые.

На веранде их встретила молодая женщина в серебристом платье, белолокая, с яркими губами. У Шорены необычно лукаво поблескивали глаза, и она с трудом удерживала от улыбки красивые губы. Видно было, что вся эта процедура смотрин и для неё тоже не в новинку. Коротко подстриженные прямые чёрные волосы, чёрные изогнутые брови и тонкий нос с красиво очерченными ноздрями; только чуть плотноватые сверху руки выдавали, что Шорене далеко за двадцать.

Познакомились, поговорили о том о сём, о погоде, а затем, как и было предусмотрено по плану, все постепенно выскльзнули из комнаты, оставив жениха с невестой одних для решающей беседы.

Шорена сложила руки на груди и не сводила глаз с репродукции «Валаамской ослицы» в ожидании начала разговора.

Рафила, взглянув на девушку, решительно промолчал:

– Шорена, нам нужно поговорить открыто.

Слова Зумбадзе прозвучали почти угрожающе.

Шорена все обратилась в слух.

– Ну, скажи, к чему все это? Видишь, что творится в мире? Каждый должен отвечать только за себя. Не время сейчас обзаводиться детьми. Какому-нибудь психу стукнет что-то в голову, нажмёт кнопку – и поминай как звали, вместе со всеми твоими птенцами и с благоверной.

– Что тебя так напугало, мил человек? – чужим голосом произнесла Шорена.

– У Гизо свои соображения в голове. А я иначе смотрю на жизнь. Жениться и обзаводиться семьей надо было лет в двадцать пять. А сейчас разве под силу мне такая ноша? И так еле на ногах держусь. Скоро за сорок перевалит, видишь, голова – как у оцепанного гуса.

Шорена задумалась.

– Ты, я вижу, девушка разумная и должна меня понять правильно. Не создан я для семейной жизни. Детишки, болезни, лекарства, больницы, родственники – всё это не для меня. Не смогу бегать на базар и стоять в очереди за молоком. Не смогу, понимаешь? Не создан я для всего этого.

– Ну и кто же тебя заставляет? – глянула в сторону девушка.

– Кто заставляет? Да меня заели дома. Тётя Вера – так это просто наказание Господне. Сама замуж не вышла, живёт себе одна, в своё удовольствие. А мой балбес-брат как пристанет: мне, говорит, стыдно в городе показаться, стыдно за тебя, что ты бобылём стареешь. Ну что в этом постыдного, скажи на милость? Не всех же Господь создаёт для семьи.

– Правильно.

Рафила, окрылённый надеждой, придвинул стул поближе к Шорене и заговорил ещё энергичнее:

– Ты – прелестная девушка, и не мне от тебя отказываться, но у нас с тобой ничего не выйдет. Будь на твоём месте хоть сама Мария Распрекрасная – и она мне не нужна. Я вообще не собираюсь жениться. Думаешь, я по своей воле приехал? Этот чокнутый Гизошка силой втолкнул меня в машину. И если сейчас откажусь – я его знаю, он мне шею свернёт. Ты должна меня спасти.

– Что я должна сделать? Упаси тебя Бог от того, к чему душа не лежит, – задумчиво произнесла Шорена.

– Благослови тебя Господь! Вот это я понимаю – умная женщина! Ты должна сама от меня отказаться. Так будет лучше. Не нравится, скажи – и всё тут, лучше за заборную жердь замуж пойду, чем за него. Держись со мной как можно холоднее. Даже если бы и собирался жениться – ну какая я тебе пара? Но я не гожусь для семейной жизни. Один раз довелось покачать люльку племянника – так голова закружилась. Бывают ведь такие неполноценные люди.

– Пожалуйста, пожалуйста, что может быть лучше, – у Шорены запырлили в глазах чёртики, и Рафила не понял, была ли эта улыбка проявлением жалости и сочувствия к нему или женщина просто смеялась над ним.

– Я скажу, что ты мне понравилась, а ты дай решительный отказ: не хочу, дескать, нет и нет. Вообще они, видно, смерти моей хотят. До женитьбы ли мне! По ночам не сплю. Я больной человек. Мне к врачам надо идти: глухая боль в левой почке доминает, да и желчный пузырь давно пора удалить...

– Ты уж не хориши себя заживо.

– Правду тебе говорю. Зачем врать? – прижал обе руки к сердцу Рафила. – Не губи меня, Шорена. Категорически откажи мне. Ты ведь умная девушка.

Шорена улыбнулась, отвела взгляд от рембрандтовского рисунка и ещё раз оглядела Рафила с ног до головы.

– Что ты со мной торгуешься, мил человек. Даже если бы ты об этом не просил, я и так собиралась отказать.

Фармацевт вскопчил на ноги и прильнул губами к руке девушки:

– Благослови тебя Господь!

* * *

...Тариэл Гагидзе собирался поднять

тост за предков, когда Гизо попросил слова.

– Простите меня, дорогие мои. Но секреты и недомолвки нам не к лицу. Все здесь, за столом, люди свои. Все прекрасно знают, по какому делу мы сегодня сюда пожаловали. И пусть всё, так или иначе, решится сегодня же. Отсрочка в таких делах – находка для чёрта. Вот здесь сидит мой дорогой Рафила, а вот и драгоценная Шорена. Может, немного спешу, но я человек прямой. И пусть застолье это пойдёт не впрок тому, у кого на душе недоброе чувство. К тебе обращаюсь я, Рафила, к вполне трезвому человеку. Нравится тебе эта девушка?

Рафила огляделся по сторонам, опустив голову и произнёс:

– Да.

– Возьмёшь её в жены?

– Возьму, батону, но пойдёт ли она за меня?

У тётя Веры глаза наполнились слезами.

– Теперь к тебе обращаться, сестричка.

Вот здесь сидят твои родители, а вот и мы все. Подумай хорошенько и скажи прямо: нравится тебе этот человек? Никто тебя не неволит. Но и откладывать это дело тоже не нужно. Скажи, нравится? Пои-дётся за него замуж?

За столом установилась мёртвая тишина.

Шорена оторвала листочек от петрушки, повертела его в руке, потом взглянула на Гизо, улыбнулась, вздохнула и, собравшись с духом, храбро сказала:

– Да.

Ответ женщины прозвучал для Рафила как гром среди ясного неба. Лоб у него покраснел, сердце заколотилось, в ушах зашумело. Он понял, что его провели.

Его поздравляли, обнимали, Гизо Шавдиа провозглашал тост за жениха и невесту. Фармацевт был уже не в силах сдержать обрушившийся на него водопад веселья. Растерянный, он встал, подошёл к Шорене, положил руку на плечо и прошептал в самое ухо:

– Так вот какая ты «умная»? Значит, на вас, женщин, ни в чём нельзя положиться?

Шорена похлопала его по руке и ода-рила улыбкой самой счастливой на свете женщины.

...Свадьбу назначили на субботний день, 8 сентября 1984 года.